

**«...У ХУДОЖНИКА ТОЖЕ ДОЛЖНА БЫТЬ СОВЕСТЬ...»:
М. Н. КАТКОВ В ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА
И. С. ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»**

Ольга Александровна Хвостова

Кандидат филологических наук, доцент
Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
E-mail: hvostovaoa@info.sgu.ru

**“...THE ARTIST MUST ALSO HAVE A CONSCIENCE...”:
M. N. KATKOV IN THE HISTORY OF THE PUBLICATION
OF I. S. TURGENEV’S NOVEL “SMOKE”**

Olga Khvostova

Candidate of Philology, Associate Professor, Saratov State University.
E-mail: hvostovaoa@info.sgu.ru

В статье прослежена история публикации романа И. С. Тургенева «Дым» в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник». Диалог писателя и редактора в 1867 г. — последний случай делового сотрудничества, которое характеризуется резким обострением их отношений в связи с предложенными Катковым сокращениями в корректуре «Дыма». Тургенев вынужден был выбирать между обязательствами перед журналом и писательской совестью, своими художественными задачами. Суть изменений и поправок Каткова отражала острейшие проблемы реформ в России, высшего общества, государства, европейской цивилизации. На первый план вышел вопрос о явных, очевидных, с точки зрения современников, прототипах персонажей. Катков проявил твердость убеждений и вынудил писателя пойти на серьезные уступки по тексту произведения, о которых Тургенев потом жалел, восстановив ключевые сокращения в отдельном издании «Дыма».

The article traces the history of the publication of the novel by I. S. Turgenev “Smoke” in the journal of M. N. Katkov “Russkiy Vestnik”. The dialogue of the writer and editor in 1867 is the last case of creative cooperation, which is characterized by a sharp exacerbation of their relations in connection with Katkov’s proposed reductions in the proof of “Smoke”. Turgenev was forced to choose between obligations to the journal and writing conscience, their artistic tasks. The essence of the changes and amendments Katkov reflected the most acute problems of reforms in Russia, high society, the state, European civilization. The question of ob-

vious, obvious from the point of view of contemporaries, prototypes of characters came to the fore. Katkov showed firmness of conviction and forced the writer to make serious concessions on the text of the work, which Turgenev later regretted, restoring key cuts in a separate edition of “Smoke”.

Ключевые слова: М. Н. Катков и И. С. Тургенев, роман «Дым», журнал «Русский вестник», Россия и европейская цивилизация.

Keywords: M. N. Katkov and I. S. Turgenev, the novel “Smoke”, the journal “Russkiy Vestnik”, Russia and European civilization.

Творческая история романа «Дым» привлекала внимание тургеноведов, историков литературы разных поколений (А. Мазон, В. Е. Чешихин-Ветринский, Ю. Г. Оксман, Г. А. Бялый, И. А. Винникова, А. Б. Муратов, А. И. Батюто, Е. И. Кийко, В. М. Маркович и др.). Практически все они, располагая фактическими данными из переписки И. С. Тургенева, сопоставлением журнального варианта и первого отдельного издания «Дыма» в 1868 г., сходились во мнении о серьезном редакторском вмешательстве М. Н. Каткова в текст романа на последней, корректурной стадии подготовки к публикации в журнале «Русский вестник» (1867, №3). Причем исследователи всегда благоволили И. С. Тургеневу, а катковская редакция признавалась ими «реакционно-охранительной». В комментариях к седьмому тому Полного собрания сочинений Тургенева в 30 томах довольно подробно воспроизведены изъятия некоторых мест из корректур «Дыма», на которые под нажимом Каткова и с неудовольствием согласился Тургенев, на что он впоследствии сетовал, восстанавливая изначальный текст в отдельных первом и втором изданиях романа (Тургенев, 1978–2014, С 7: 524–527)¹.

Разногласия Тургенева с Катковым усиливались, писатель резко отмежевался от политической позиции редактора «Русского вестника» и очень жалел о том, что уступал ему в периоды окончательной доработки «Отцов и детей» и «Дыма» (письмо к В. В. Стасову от 13 (25) ноября 1874 г.): «Я все-таки виноват был в том, что согласился на урезывания “Русского вестника”, по крайней мере, не протестовал против них — и еще больше в “Дыме”, чем в “Отцах и детях”» (П 13: 218). Как видим, именно «виновность» писателя, как он ее ощущал в истории с изданием «Дыма», выходила на первый план в его спорах с Катковым о судьбе журнальной публикации романа.

Тургенев сам предложил «Русскому вестнику» свой новый роман (11–12 листов) в начале 1867 г. на тех же условиях, что и предыдущие произведения,

¹ Тексты И. С. Тургенева в статье цитируются по этому изданию с указанием в круглых скобках серии (Сочинения или Письма), тома и страницы.

причем ему было важно «самому держать корректуру» (П 7: 60). В письме от 3 (15) августа 1866 г. из Баден-Бадена писатель сообщает об одобрении В. П. Боткиным «некоторых глав» (П 7: 52). Рукопись он решил собственноручно доставить в Петербург, а затем в Москву, предварительно устроив чтение нового произведения ближайшим друзьям. В. П. Боткин был одинаково близок и Тургеневу, и Каткову, поэтому стал необходимым посредником в передаче известий о новом романе. В письме к Боткину 12 (24) декабря 1866 г. писатель доверительно обозначил желание получить от Каткова задаток: «Полагаю, что сей смертный не откажется, — хотя на мою просьбу — выслать мне в задаток вперед 1200 р<ублей> сер<ебром> — он до сих пор отвечает величественным молчанием» (П 7: 80). Тургенев потратил много денег на строительство нового дома в Баден-Бадене, выдал замуж дочь и очень нуждался в средствах. «Русский вестник» платил самые высокие гонорары среди литературных журналов, за новый роман писателю обещали «хорошие деньги» (С 7: 112). Отъезд в Россию пришлось несколько раз откладывать из-за обострившейся подагры, Тургенев на время потерял способность ходить. Между тем рукопись «Дыма» ждали в редакции «Русского вестника» сначала в январскую, потом — в февральскую, а затем и в мартовскую книжку журнала 1867 г.

17 (29) января Тургенев предупреждал В. П. Боткина: «Не пишу я прямо к Каткову потому, что он (между нами) человек грубый и уже раз безо всякого повода распубликовал меня в газетах. А выслать по почте роман, без предварительного чтения Анненкову и тебе в Петербурге — я решительно не согласен (сообщи также это все Анненкову)» (П 7: 87). 15 (27) февраля Тургенев высказал сожаление: «Мне очень было совестно перед Катковым — но что было делать?» (П 7: 115). Тургеневский принцип — не подавать рукопись без одобрения ближайших литературных друзей — выдерживался и в случае с «Дымом».

Когда писатель наконец приехал в Петербург, чтение началось 26 февраля (11 марта) в присутствии Боткина, П. В. Анненкова, Б. М. Маркевича и графа В. А. Соллогуба: «Прочел с десятков глав и <...> успех был очень большой, гораздо больший, чем я когда-нибудь мог надеяться. Посмотрим, какое впечатление произведут остальные. За исключением одной главы, которую Анненков посоветовал мне переделать (пикник генералов) — ввиду некоторой утрированности ее тона — *an die Karrikatur streifend*, — обо всех остальных я слышал только комплименты» (письмо к П. Виардо, 27 февраля (11 марта) 1867 г.; пер. с фр.; П 7: 121). Кроме того, Тургенев устраивал публичные чтения отдельных глав романа в Москве, по просьбе Каткова, в пользу «жителей Восточной Галиции» (29 марта), и в Петербурге (3 апреля).

В Москве состоялась долгожданная встреча Тургенева с Катковым, рукопись была сдана в редакцию журнала «Русский вестник» для набора. Писатель отбыл на время в Спасское. Вернувшись в Москву, Тургенев получил корректуру и 21 марта сообщил П. В. Анненкову: «О том же, какое впечатление произвел на него (Каткова. — О. Х.) и Леонтьева мой роман, я ничего не знаю: любезны они со мною очень» (П 7: 146). П. М. Леонтьев — соредактор Каткова в «Русском вестнике» с 1856 г., профессор Московского университета по кафедре античной словесности.

Непосредственно корректурные вопросы Тургенев обсуждал, например, в переписке с ведущим сотрудником «Русского вестника», профессором Московского университета Н. А. Любимовым. Из писем к нему становится ясно, что писатель просил ускорить набор и печатание «Дыма»: «Что же касается до выражений, которые Михаил Никифорович желал бы устранить, — то я сам заеду к нему завтра вечером — и поговорю с ним. — Я, признаюсь, теперь уже не вижу ничего, что бы могло остановить мысль на известном недомении» (24 марта 1867; П 7: 157). По-видимому, Тургенев не смог приехать к редактору и тогда 25 марта пригласил к себе и Каткова, и Любимова: «Я бы хотел явиться сегодня вечером к М. Н. Каткову, чтобы переговорить насчет известных выражений, — но мне теперь это невозможно — и поэтому покорно прошу либо его, либо Вас пожаловать ко мне сегодня с корректурой. Мы переговорим» (П 7: 158).

Продолжительный разговор с Катковым состоялся. Об этом свидетельствует письмо Тургенева к Виардо от 25 марта (6 апреля): «Только что у меня был еще один длинный разговор с Катковым, который, после нескончаемых похвал моему роману, в конце концов сказал мне, что опасается, как бы в Ирине не узнали некой особы <...> и, соответственно, он советует мне *подправить* (здесь и далее выделено Тургеневым. — О. Х.) этот образ. Я наотрез отказался по двум причинам; во-первых, потому что мысль его лишена здравого смысла, и я не хочу портить ему в угоду весь мой труд; во-вторых, потому что все корректуры просмотрены и исправлены...» (пер. с фр.; П 7: 275). В Ирине редактор «Русского вестника» совершенно определенно увидел княгиню Александру Сергеевну Альбединскую (урожденную княжну Долгорукую, фаворитку Александра II).

Версия об Альбединской как прототипе героини «Дыма» утвердилась в тургеневедении как основная. И. В. Чуприна, сличая фотодокументы и мемуарные свидетельства современников, доказывает внешнюю и внутреннюю связь между героинями картины И. Н. Крамского «Неизвестная» и романа Тургенева, созданными под впечатлением от общения с прекрасной княжной Долгорукой (Чуприна, 1994). Данные научно-исследовательской лабора-

тории судебных экспертиз опровергли ложную версию, появившуюся еще во времена Тургенева и поддержанную некоторыми искусствоведами и литературоведами, о том, что прообразом для живописного портрета Крамского и, соответственно, Ирины в «Дыме» выступает морганатическая жена Александра II, светлейшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, урожденная княжна Долгорукая. В «Неизвестной» явно угадываются черты внешности Альбединской, «но и в “Дыме”, и на картине Крамского, и на фотоснимках узнаются глаза одной и той же реальной женщины, которые Тургенев определил как глаза “египетских божеств с лучистыми ресницами и смелым взмахом бровей”» (Чуприна, 1994: 15). Несомненно, «внутреннее же существо Ирины и “Неизвестной” Крамского совпадают еще более явно» (Чуприна, 1994: 16): разочарованность, «озлобленный ум», скрытность, конфликт с обществом, душевная неустроенность, дар иронии и сарказма, холодность. Тургенев был под сильным впечатлением от этой женщины, он с ней встречался в 1851 г. и испытал драматически оборвавшееся чувство. Писатель обозначил ее в черновом автографе «Дыма» в перечне лиц и прототипов как «К. Д.», генерала Ратмирова пометил буквой «А» (т.е. П. П. Альбединский), против Литвинова же поставил «Я», которое тургеноведы прочитывают и как «Х» (см.: С 7: 511). Княгиню Альбединскую хорошо знал Катков, был осведомлен о ее отношениях с Александром II. Почти все представители аристократии, изображенные Тургеневым, у современников вызвали живые и вполне определенные ассоциации с представителями правящих кругов. А образ Губарева (в котором угадывался Н. П. Огарев) и его окружения в «гейдельберских арабесках» бросал тень на революционную эмиграцию.

Последние четыре дня перед окончанием работы над корректурой «Дыма» выдались для Тургенева необычайно напряженными: ему пришлось выбирать между обязательствами перед журналом и писательской совестью.

26 марта отослана Каткову «проверенная сверстанная корректура и первая корректура продолжения» (П 7: 160). Тургенев не сдался. В письме к Виардо от 28 марта (9 апреля) он, почти в отчаянии, обозначил готовность расторгнуть отношения с «Русским вестником»: «г-н Катков ставит столь мощные препятствия моему злосчастному роману, что я начинаю сомневаться, можно ли будет опубликовать роман в его журнале <...>. Я сделал некоторые уступки — но сегодня в конце концов сказал: “Довольно!” — Посмотрим, уступит ли он. Что касается меня, то я твердо решил не отступить ни на шаг: у художника тоже должна быть совесть, и я хочу обезопасить себя от ее упреков» (пер. с фр.; П 7: 277–278). 29 марта Тургенев писал Н. А. Любимову о произведенной последней правке в тексте романа: «На стр<анице> 48-й я выкинул щекотливые фразы — а на 46-й вместо “высокой особе” — поставил

“иностранному дипломату” — так что теперь уже, кажется, все в порядке. Мне бы весьма не хотелось возбудить малейшее недоразумение и поставить Михаила Никифоровича в неприятное положение» (П 7: 165). Виардо он в тот же день сообщал: «С Катковым дело улажено: я пожертвовал одной сценой — впрочем, маловажной — и спас остальное. Главное осталось нетронутым, но все это и есть оборотная сторона медали в литературе» (пер. с фр.; П 7: 279). Тургенев оказался не первым, кто испытал жесткое давление Каткова, который «был жестокий редактор: все, что не отвечало его запросам, его политическим требованиям, он беспощадно вычеркивал или переписывал своей рукой. Так, от Каткова страдали не только рядовые литераторы, но и крупнейшие писатели России — Достоевский и Лесков. Правке подверглись, скажем, такие романы Достоевского, как “Преступление и наказание” и “Бесы”, даже глава о “великом инквизиторе” в “Братьях Карамазовых”» (Кантор, 2009: 333).

Напомним суть изменений и поправок, предложенных Тургеневу Катковым. Нельзя не учитывать тот факт, что многие лакуны трудно восстановить доподлинно, так как Тургенев в книжном издании романа не только возвращался к первоначальной рукописи, но и оставлял отдельные правки Каткова, а также дорабатывал свой текст без оглядки на редактора, руководствуясь резонансом от публикации произведения в «Русском вестнике». Из двух названий романа, предложенных Тургеневым, — «Две жизни» и «Дым» — именно Катков выбрал второе, символическое.

Отдельные переделки были, по-видимому, обусловлены прохождением «Дыма» через цензурное ведомство. Таков отказ от упоминания имени Государя, заметившего Ирину («Весь двор заметил ее!», П 7: 290), «высокой особы», «обер-прокурора» (им был в 1862–1865 гг. генерал-адъютант А. П. Ахматов, еще один прототип Ратмирова), «мощной руки». Тургенев вопреки возражениям редактора «Русского вестника» настоял на сохранении биографии Ирины в журнальной версии романа. Катковым были изъяты фразы о выгодной сделке между графом Рейзенбахом и родителями Ирины, ставшей объектом купли-продажи: «Можно и сумму денег дать», «князь и княгиня действительно не упрямылись и взяли сумму денег» (С 7: 294). Тургенева особенно раздражали вмешательства Каткова в трактовку образа Ирины. В связи с этим в письме к Виардо (28 марта 1867 г.) писатель приоткрыл смысл его претензий: «Г-н Катков во что бы то ни стало хочет сделать из Ирины добродетельную матрону, а из всех генералов и фигурирующих в моем романе прочих господ — примерных граждан» (П 7: 278).

Редактор, к огорчению автора, все же изъял биографию генерала Ратмирова, мужа Ирины. Позже (ноябрь 1867 г.) Тургенев ее восстановил, о чем

он сообщил в письме к Герцену (30 ноября (12 декабря) 1867 г.): «...посылаю тебе экземпляр отдельного московского издания, в котором восстановлены все пропуски катковской цензуры. Сама книга тебе, разумеется, не понравится, но на 97-й странице находится биография генерала Ратмирова, которая, быть может, заставит тебя улыбнуться» (П 8: 78). Повествователь с иронией говорит о трех поколениях Ратмировых. Отец Валериана Владимировича был «естественный сын знатного вельможи Александровских времен и хорошенькой актрисы француженки» (С 7: 316). Дед не оставил отцу, а отец сыну никакого состояния. Младший Ратмиров оказался умнее, «вышел в гвардию», обратив внимание начальства «фронтальной выправкой, хорошими манерами и благонаравием» (С 7: 316). Весь этот кусок биографии, мотивирующий непривлекательный характер и поведение ловкого карьериста, эгоистичного дельца, был сокращен Катковым. Тургенев создал сатирический портрет генерала, который добился блестящей карьеры из «скромной веселости нрава, ловкости в танцах, мастерской езды верхом... особенному искусству фамильярно-почтительного обращения с высшими, грустно-ласковому, почти сиротливому прислуживанию, не без примеси общего, легкого, как пух, либерализма» (С 7: 316). Катков «смягчил» расправу Ратмирова над собственными крестьянами, заменив первоначальное «запороть насмерть пять человек крестьян» на «отечески посечь» (см.: С 7: 526). В отдельном издании Тургенев «усилил» наказание, вставив слова: «перепороть пятьдесят человек крестьян...» (С 7: 316). Писатель в лице Ратмирова саркастически высмеивает показной либерализм генерала эпохи Великих реформ.

Самое значительное почти двухстраничное сокращение касалось диалога Потугина и Литвинова о том, что следует России перенимать от европейской цивилизации: «но как же возможно перенимать, не соображаясь с условиями климата, почвы, с местными, с народными особенностями?» (С 7: 273). Потугин отвечает на вопрос Литвинова: «Вы только предлагайте пищу добрую, а народный желудок ее переварит по-своему; и со временем, когда организм окрепнет, он даст *свой сок*» (С 7: 273). Следует пример об усвоении тысяч чужеземных слов в правление Петра, сначала «чудовищное», потом — «перевариванье» «в собственных недрах» (С 7: 274). Литвинов усомнился в необходимости «подобных испытаний» (С 7: 274). Потугин видит в самом развитии народа «неправильность», начиная с призвания князей на русскую землю. Допуская, что испытания не всегда идут на пользу: «Я, пожалуй, готов согласиться, что, вкладывая иностранную суть в собственное тело, мы никак не можем наверное знать наперед, что такое мы вкладываем: кусок хлеба или кусок яда?» (С 7: 274), — Созонт Иванович тут же делает выпад в адрес радетелей за народ, славянофилов: «Да ведь известное дело: от худого

к хорошему никогда не идешь через лучшее, всегда через худшее, — и яд в медицине бывает полезен. Одним только тупицам и пройдохам прилично указывать с торжеством на бедность крестьян после освобождения, на усиленное их пьянство после уничтожения откупов... Через худшее к хорошему!» (С 7: 274). Другая точка зрения некрасовская, народническая: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?...»¹.

Снят был в журнальной редакции и вопрос о самостоятельном производстве в России, якобы мнимой «российской изобретательности» (С 7:327). Потугин ссылается на то, что в помещичьих хозяйствах «не существует удовлетворительной зерносушилки» (С 7: 327), торговля из России идет «сырыми продуктами» (С 7: 327).

Исключено было суждение Потугина о необходимости служить европейской цивилизации, которым он напутствовал Литвинова: «Всякий раз, когда вам придется приниматься за дело, спросите себя: служите ли вы цивилизации — в точном и строгом смысле слова, — проводите ли одну из ее идей, имеет ли ваш труд тот педагогический, европейский характер, который единственно полезен и плодотворен в наше время, у нас?» (С 7: 395). Потугин об этом говорит на протяжении всех диалогов с Литвиновым. Прощальный «совет» звучит особенно эмоционально, как выстраданное убеждение, надежда «старого болтуна» на скорые перемены. Они непременно должны произойти в России благодаря появлению «тружеников», «пионеров», новой поросли. Литвинов — один из них, по мнению Потугина, он уже не будет «сеятелем пустынным». Время его пришло — эпоха буржуазного порядка. Пушкинский образ актуализируется в современном контексте рассуждений Потугина. Пушкин к 1823 г. был разочарован в романтической личности, способной повести за собой народы; но теперь тургеневский персонаж осознает, что наступила пора деятельных людей, призванных преобразить Россию.

Роман произвел неожиданное для автора впечатление на многих читателей в России. Отправляя его А. И. Герцену, Тургенев уведомил корреспондента 5 (17) мая 1867 г.: «Итак, посылаю тебе свое новое произведение. Сколько мне известно, оно восстановило против меня в России — людей религиоз-

¹ Уместно привести свидетельство гофмейстера князя Н. П. Мещерского о воздействии произведений Тургенева на общество после крестьянской реформы: «Под влиянием сочинений Тургенева и иных сложилась история, очень сочувственная публике (курсив автора. — О. Х.), о том, что закон 19 февраля — справедливое возмездие, наказание за пользование крепостным правом. Понятно, какой отголосок могло иметь такое толкование в дворянской среде, смешавшей (винить ее за то трудно) голос подцензурной печати со взглядом правительства. Вопиюще неправдой являлось наказание за порядок вещей, который не только терпело веками правительство, но который веками служил краеугольным камнем всего общественного строя. Революционная партия вдвойне торжествовала: одновременно разорялось ненавистное ей дворянство и оно же этим возбуждалось против правительства, а между тем и в нем самом, казалось, были какие-то ее единомышленники...» (Мещерский, 2012: 426).

ных, придворных, славянофилов и патриотов. Ты не религиозный человек и не придворный — но ты славянофил и патриот, — и, пожалуй, прогневаешься тоже <...>» (П 7: 197). Герцен к этому времени стал защитником крестьянской общины, поставив в центр своих воззрений народнические иллюзии.

В следующем письме от 10 (22) мая Тургенев как бы оправдывался за сотрудничество с Катковым: «Единственная вещь, которая меня самого грызет, — это мои отношения с Катковым, как они ни поверхностны. Но я могу сказать следующее: помещаю я мои вещи не в “Московских ведомостях” — эдакой беды со мной, надеюсь, никогда не случится, — а в “Русском вестнике”, который не что иное как сборник и никакого политического колорита не имеет...» (П 7: 201). Отношения с Катковым затрагивали коренные вопросы русской жизни. С 1868 г. ведущим журналом для Тургенева становится «Вестник Европы», цитадель русского либерализма в его новых политических программах.

Герцен не в меру критически оценил Потугина, на что Тургенев заметил в том же письме: «Тебе наскучил *Потугин*, и ты сожалеешь, что я не выкинул половину его речей. Но представь: я нахожу, что он еще не довольно говорит, — и в этом мнении утверждает меня всеобщая ярость, которую возбудило против меня это лицо» (П 7: 201). Удивительно, но Катков такого рода отношения к Потугину не высказывал. Тургенев гордился своим персонажем, «верующим единственно в цивилизацию европейскую» (П 7: 205).

По справедливому замечанию В. А. Китаева, устами Потугина в «Дыме» писатель формулировал свое западническое кредо образца 1840-х гг. (см.: Китаев, 2018: 68)¹. Россия должна была пройти школу европеизации и оказаться в семье европейских народов. Он полагал, что европейский и русский миры *соприродны*, сам ощущал себя в них и искал в новой форме романа, уже не *моногеройной*, возможность объединения двух различных типов жизни с учетом самобытности России. Катков — из поколения 1840-х гг. — не мог не приветствовать подобную задачу. Однако в эпоху реформ 1860-х гг. он занимал либерально-консервативную позицию в духе английской аристократии. Тургенев стоял в стороне от этих идей, от любой из политических партий. Он вообще был далек от идеи государства как силы и принуждения. Катков вдохновлялся ею и служил престолу.

К Потугину примеривали те или иные прототипы. Но в самом этом герое, в его мыслях находили много тургеневского. На этом доказательно настаивал П. Б. Струве: «Однако в скорбное изображение и личности, и судьбы человека “священнического поколения”, “бедного, желчного чудака” Потугина

¹ Ср.: «Потугин — отчаянный “западник”, продолжающий лучшие предания нашей литературы 40-х годов. Он делает это в эпоху реакции против них...» (Анненков, 2000: 330).

дворянин, красавец и артист Тургенев вплеет кое-что *свое* и притом *интимнейшее* свое. Тут есть и плен у г-жи Виардо, и вообще вся горечь и сладость тургеневской личной жизни. Потугин — это классически удавшийся *tour de force* “объективного” психологического изображения, которое все соткано из подлинных глубочайших и тончайших “субъективных” личных переживаний, душевных (эмоциональных) и духовных (умственных)» (Струве, 1981: 207). Трудно с этим не согласиться, тем более обратившись к новым публикациям наследия писателя, прежде всего о роли Потугина в романе как «главного лица» (Тургенев, 2000: 109).

Современное прочтение романа «Дым» удостоверяет, что Потугин и Литвинов, философ и «дюжинный честный человек» (П 7: 209), при всех индивидуальных различиях, вместе составляют романного героя, очень близкого автору: «Одухотворенное потугинским “огнем” литвиновское чувство “дыма” как “суеты сует” чревато “спасением”, а не разрушением» (Беляева, 2005: 134). Литвинов смягчает разрушительные крайности потугинских суждений.

Издание «Дыма» в «Русском вестнике» было последним объединяющим результативным делом в сотрудничестве Тургенева и Каткова. Поначалу все шло благополучно, и лишь на стадии корректурных изъятий каждый из них проявил характер и принципиальность — совесть художника не позволила Тургеневу согласиться на все правки, однако Катков сохранил твердость своих убеждений и вынудил писателя пойти на серьезные уступки по тексту произведения, о которых Тургенев потом жалел, восстановив ключевые из сокращений в отдельном издании романа. История журнальной публикации «Дыма» в философском смысле обнажает проблему России и европейской цивилизации, споров вокруг нее.

Литература

- Анненков П. В. (2000). Русская современная история в романе И. С. Тургенева «Дым» // Анненков П. В. Критические очерки / сост., подг. текста, вступ. статья и примеч. И. Н. Сухих. СПб.: Изд-во РХГИ. С. 326–350.
- Беляева И. А. (2005). Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. М.: МГПУ.
- Кантор В. К. (2009). Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: РОССПЭН.
- Китаев В. А. (2018). К характеристике западничества И. С. Тургенева (вторая половина 1850 — начало 1880-х гг.) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов. Вып. 21 / отв. ред. А. А. Гапоненков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. С. 68–77.
- Мещерский Н. П. (2012). Воспоминания о М. Н. Каткове // Катков М. Н. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Михаил Никифорович Катков: Pro et contra. СПб.: Росток. С. 421–463.

- Струве П. Б.* (1981). Дух и слово: статьи о русской и западноевропейской литературе. Париж: YMCA-Press.
- Тургенев И. С.* (1978–2014). Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1978–2014. Издание не завершено.
- Тургенев И. С.* (2000). Подготовительные материалы к роману «Дым» / публ. и послесл. П. Уоддингтона; пер. А. А. Долинина // Русская литература. №3. С. 106–143.
- Чуприна И. В.* (1994). О реальной основе некоторых произведений И. Н. Крамского и И. С. Тургенева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.

References

- Annenkov P. V.* (2000). Russkaya sovremennaya istoriya v romane I. S. Turgeneva «Dym» // Annenkov P. V. Kriticheskiye ocherki / sost., podg. teksta, vstup. stat'ya i primech. I. N. Sukhikh. SPb.: Izd-vo RKHGI. S. 326–350.
- Belayeva I. A.* (2005). Sistema zhanrov v tvorchestve I. S. Turgeneva. M.: MGPU.
- Kantor V. K.* (2009). Sankt-Peterburg: Rossiyskaya imperiya protiv rossiyskogo khaosa. K probleme imperskogo soznaniya v Rossii. M.: ROSSPEN.
- Kitayev V. A.* (2018). K kharakteristike zapadnichestva I.S. Turgeneva (vtoraya polovina 1850 — nachalo 1880-kh gg.) // N. G. Chernyshevskiy. Stat'i, issledovaniya i materialy: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 21 / otv. red. A. A. Gaponenkov. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. S. 68–77.
- Meshcherskiy N. P.* (2012). Vospominaniya o M. N. Katkove // Katkov M. N. Sobr. soch.: v 6 t. T. 6. Mikhail Nikiforovich Katkov: Pro et contra. SPb.: Rostok. S.421–463.
- Struve P. B.* (1981). Dukh i slovo: stat'i o russkoy i zapadnoyevropeyskoy literature. Parizh: YMCA-Press.
- Turgenev I. S.* (1978-2014). Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 12 t. Pis'ma: v 18 t. M.: Nauka, 1978–2014. Izdaniye ne zaversheno.
- Turgenev I. S.* (2000). Podgotovitel'nyye materialy k romanu «Dym» / publ. i poslesl. P. Uoddingtona; per. A. A. Dolinina // Russkaya literatura. №3. S. 106–143.
- Chuprina I. V.* (1994). O real'noy osnove nekotorykh proizvedeniy I. N. Kramskogo i I. S. Turgeneva. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta.